

В. Н. Маслов

**ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ:
ПЕРВОЕ СОВЕЩАНИЕ ПРИ КЁНИГСБЕРГСКОМ ОБЛАСТНОМ
УПРАВЛЕНИИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ
26–27 ИЮНЯ 1946 ГОДА**

На основе анализа стенограммы совещания, состоявшегося 26–27 июня 1946 г. в Кёнигсбергском областном управлении по гражданским делам, рассматриваются представления руководителей гражданских органов управления и командования 11-й гвардейской армии о проблемах развития Кёнигсбергской / Калининградской области в 1946 г. Освещается конфликт гражданских и военных властей, оказавшийся в центре внимания участников совещания. Представлены различные модели отношений между военными и гражданскими структурами управления, сложившиеся в городах и районах области. Раскрыты обсуждавшиеся на совещании вопросы о положении немецкого населения и недостатках в организации торговли и связи.

An analysis of the transcript of a meeting held on June 26–27, 1946 at the Königsberg Office for Civil Affairs helps consider the perspective of the civil administration and the commandment of the 11th Guards Army on the problems of the development of the Königsberg / Kaliningrad region in 1946.

The meeting participants focused on the conflict between the civil and military authorities. Different models of relations between the military and civil administrative structures developed in the region's towns and districts. The meeting also discussed the position of the German population and the flaws of trade and communication organization.

Ключевые слова: Кёнигсбергская область, Калининградская область, военная власть, гражданская власть, немецкое население, торговля, партийно-политическая работа.

Key words: Königsberg region, Kaliningrad region, military authorities, civil authorities, German population, trade, political party work.

В июне 1946 г. в Кёнигсбергской области находилась бригада (комиссия) ЦК ВКП(б). В ее состав входили заместитель заведующего организационно-инструкторским отделом ЦК Л. А. Слепов, сотрудники ЦК С. Старостин, Б. Е. Саркисов, Н. Войтов. Комиссия проверяла деятельность гражданских управлений, созданных незадолго до ее приезда, знакомилась с состоянием хозяйственной жизни, системой народного образования, сетью медицинских и других учреждений; посетила Кёнигсберг, ряд районов и городов области. Во время работы комиссии 26–27 июня 1946 г. в Кёнигсберге состоялось первое крупное совещание при областном управлении по гражданским делам. Функции председателя на заседаниях выполнял начальник управления В. А. Борисов. Среди участников совещания были представители ЦК ВКП(б), командующий 11-й гвардейской армией генерал-полковник К. Н. Галицкий, начальник областного управления МВД генерал-майор Б. П. Трофимов, начальники и сотрудники отделов областного управления по гражданским делам, руководители других областных учреждений, начальники и их заместители в районных и городских управлениях по гражданским делам (всего 64 человека) [1, л. 136–138]. Участникам совещания, как мыслили организаторы, надлежало подвести итоги работы гражданских управлений за месяц, истекший со дня их образования.

Стенограмма заседания сохранилась в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). К сожалению, этот 80-страничный документ не является полным не только из-за отсутствия единой сквозной нумерации, но и в силу того, что некоторые докладчики ссылаются на высказанные в ходе мероприятий мнения работников ЦК ВКП(б) Слепова и Старостина, а также не названного и не указанного в списке участников представителя Военно-морского флота, однако текстов их выступлений или хотя бы реплик в архивном деле нет.

К материалам совещания исследователи уже обращались [3, с. 43–55] при изучении конкретных вопросов развития региона во второй половине 1940-х гг. В данной статье предпринята попытка проанализировать выступления участников совещания с целью выявить характерные для Кёнигсбергской области в середине 1946 г. проблемы, наиболее значимые (с точки зрения носителей государственной власти) на уровне районов, городов и региона.

Из четырнадцати сохранившихся в стенограмме докладов девять сделали начальники местных управлений по гражданским делам или их заместители по политической части. Говорилось о тяжелом послевоенном состоянии районов и городов: во Фридландском (затем Правдинском) районе, например, «всё в ужасном хаосе», в Тильзите (Советске) «была полная анархия... хозяйство города разбазарено» [1, л. 131, 147]. Конечно, здесь мог присутствовать и элемент преувеличения масштабов разрушений, чтобы докладчики обезопасили себя от возможных упреков в неэффективной работе или же, наоборот, подчеркнули значимость результатов своей деятельности. Кроме того, речь шла о проблемах в экономике и социальной сфере, осуществленных мероприятиях (сборе сельскохозяйственного инвентаря, начале сенокоса), подготовке к приему колхозников-переселенцев. Также определялись конкретные задачи на ближайшую перспективу (восстановление водопровода, промышленных предприятий, проведение мелиоративных, землеустроительных работ и т. д.).

Уже после первых докладов стало ясно, что одна проблема выдвинулась на первый план. Каждый выступавший районный или городской руководитель говорил об отношениях с военными, которые до образования области, а фактически по май 1946 г., были единственными носителями власти на ее территории.

В региональной историографии сложились две точки зрения на взаимодействия военных и гражданских властей. Концепция Ю. В. Костяшова состоит в том, что, хотя «военные, вынужденно занимаемая организацией мирной жизни, не прочь были как можно скорее отдать те или иные объекты гражданским ведомствам», но в 1946 г., когда шел переход власти к гражданским органам управления, воинские части всячески препятствовали передаче зданий и других материальных ценностей, не заботились о сохранности имевшегося имущества [4, с. 181–182, 188–194]. О. Г. Федорова и Г. В. Кретинин, признавая то, что в разборке зданий есть вина военнослужащих, видят в многочисленности подобных сообщений гражданских руководителей «оправдание собственной бесхозяйственности» и в силу этого сомневаются в подлинности многих соответствующих сведений. Одновременно эти авторы, с одной стороны, стремятся показать, что с конца января 1946 г. у военных структур особой власти и не было, так как «ликвидация Особого военного округа привела к практическому безвластию на территории будущей области». С другой стороны, они, несколько противореча себе, указывают на то, что военные органы по инерции продолжали выполнять функции управления; более того, в середине 1946 г. в области «формально власть принадлежала гражданским, реально — военным» [5, с. 64, 67–69].

Материалы совещания в Кёнигсберге содержат обширную информацию по данной проблем. Особую важность представляют доклады как гражданских руководителей, так и командующего 11-й армией Галицкого. Анализируемый документ относится к самому началу процесса передачи власти, дополняет и уточняет ряд выводов, сформулированных в региональных исторических исследованиях.

Все выступившие на совещании начальники районных и городских управлений по гражданским делам обратили внимание на то, что военные заняли лучшие здания и помещения в городах и районных центрах и не желают или не торопятся их покидать; освобождая помещения, они частично разрушают постройки. Впрочем, было бы удивительно, если бы воинские части при отсутствии большого количества советского гражданского населения и на правах победителей расположились в полуразрушенных и худших строениях. Отвечая на упреки, командующий 11-й армией подчеркнул: «Думаю, что воинские части за это (то есть за здания. — В.М.) драться не будут» [1, л. 143]. Однако, как показал Ю.В. Костяшов, реальность расходилась с размышлениями генерала.

Начальники районных управлений нередко опровергали утверждение Галицкого о том, что для военных «основное — это нужно сохранить имеющиеся здания, жилой фонд» [1, л. 143]. Начальник Тапиауского (Гвардейского) районного управления С.Н. Александров дал особенно острые формулировки претензиям, связав их с приближавшимся переселением колхозников:

Постройки уничтожены воинскими частями — ломают, жгут. Приказ командующего не выполнен, порядка нет; уезжающие войска из домов рвут наличники; окон нет, мебели нет. Все рвут. Факт: приехали в леспромхоз... капитан и сержант, сломали сарай и увезли... В разорении жилого фонда помогает и Кёнигсбергский военторг — снимали с больших сараев черепицу; все нужное и годное позабрали, а остальное сожгли [1, л. 144].

На совещании командующий армией эти факты не отрицал и сказал: «Я боюсь того, что наши воинские части, уезжая, будут разрушать». Он привел соответствующие примеры, связанные с возвращением войск из Германии с оконными рамами [1, л. 193].

Вместе с тем вряд ли следует преувеличивать данные факты, приписывать армейским частям крупномасштабные разрушения разных строений в области. Многие выводы выступавших были основаны на эмоциях, негативном восприятии проявившегося у ряда представителей военных властей нежелания принять гражданские органы управления, утверждавшие свои права на власть. Иногда эмоции у начальников переклещивали через край. Так, один из них поставил задачу «выгнать (здесь и далее курсив мой. — В.М.) пограничников из школы для обучения детей» [1, л. 142]. Следует учесть и то, что гражданское население само уничтожало дома [6, с. 99, 102, 113; 7, с. 159–160], а в Пилькаленском (Краснознаменском) районе появилась другая проблема: «На расстоянии 20 км нельзя восстанавливать здания, все разграблено, литовцы всё вывезли» [1, л. 151].

Конфликты возникали и между гражданскими руководителями. В Тильзите директор целлюлозно-бумажного комбината (ЦБК) запретил снабжать город ресурсами имевшейся водонасосной станции; разразился скандал, но своего приказа директор не отменил. Правда, ситуация не была такой однозначной, поскольку водопровод в городе не был восстановлен. Одновременно комбинат разрешил городу ис-

пользовать от ЦБК электроэнергию, столь необходимую ему для производственной деятельности [1, л. 148]. Другой факт: лучшие земли и строения оказались в распоряжении не только военных совхозов, но и совхозов мясо-молочной промышленности, а они не спешили передавать их будущим колхозам. Данные хозяйства, которые Галицкий назвал «туберкулезными» [1, л. 196], расходовали сельскохозяйственные угодья еще более неэффективно, чем военхозы [2, л. 7], однако директора, подчиненные союзному министерству, требовали, чтобы областное управление не вмешивалось в их деятельность [1, л. 208]. Всё это порождало серьезные противоречия.

Тем не менее в фокус сетований попали военные, являвшиеся носителями власти до становления гражданских органов управления. Обиды на военные структуры возникали порой уже в момент прибытия гражданских работников, командированных в Кёнигсбергскую область. Так, несмотря на предупреждение о приезде сотрудников Гильзитского (Советского) городского управления, их никто не встретил, они двенадцать часов просидели на вокзале; помещение для управления не было подготовлено [1, л. 147]. За подобными, казалось бы, частными фактами стояла важнейшая проблема того времени — конфликт между военными и гражданскими властями и, если использовать современные термины, борьба за передел собственности.

Анализ стенограммы совещания позволяет сделать вывод о том, что в зависимости от конкретной ситуации взаимоотношения военных и формирующихся гражданских властей складывались по-разному. С определенной долей условности можно выделить три варианта таких отношений.

1) несмотря на некоторые проблемы, в Инстербургском (Черняховском) районе военная комендатура осуществляла посильное содействие районному гражданскому управлению [1, л. 163];

2) во Фридландском (Правдинском) районе поддержку в обустройстве гражданских властей оказал командир одной из воинских частей, но в целом, по словам начальника управления А.А. Михайлова, помощь «со стороны воинских организаций... недостаточная» [1, л. 141]. Образно эту ситуацию охарактеризовал заместитель начальника Пилькаленского управления М.С. Кокурин, заявивший, что «с воинскими частями не скандалим, но и не целуемся» [1, л. 152];

3) в Тапиауском районе ситуация была конфликтной, поэтому начальник управления Александров обратился к генералу Галицкому с просьбой «сделать выводы в отношениях воинских частей к гражданским организациям. <...> создать нормальные условия для работы гражданских организаций» [1, л. 144].

Начальник Кёнигсбергского городского управления по гражданским делам П.И. Колосов заявил, что у него много жалоб на военных: «Представители отдельных воинских частей начинают нас буквально обворовывать», «Нам мешают в работе», «К тов. Галицкому пройти не представляется никакой ни физической, ни другой возможности»; у неподчиненных командованию 11-й армии моряков «отдельные действия... безобразны... прибыл отряд автоматчиков и руководство порта выбросили из дому вместе с детьми... Понравился им дом — и вылетай» [1, л. 179–181].

Всё это — отражение неизбежного противостояния двух государственных инстанций в период утверждения гражданских управленческих структур, которые всё же не являлись властными партийными комитетами и не были настоящими конституционными учреждениями советской власти, а только чрезвычайными органами управления. Следовательно, к ним могли относиться как к временным формированиям (а таковыми они и выступали), которых можно не воспринимать серьезно. Прежде всего такая позиция могла характеризовать военных, так как, по словам генерала Галицкого, «до сегодняшнего дня (то есть до 27 июня 1946 г. — В.М.) в силу известной обстановки воинские начальники возглавляли *всю* власть» [1, л. 194].

Однако все понимали, что власть, вследствие чрезвычайных обстоятельств переданная военным сразу после окончания боевых действий на завоеванной территории, не может принадлежать им долго и безраздельно. Осознавал это и Галицкий, рассуждавший на совещании следующим образом: «*время... уже настало считаться с Вами*» и «воинские начальники должны оставить себе только власть воинскую... всю гражданскую власть надо передать». Командующий видел, что в масштабах области армия не будет и экономикой руководить: «Я знаю, что... военные не будут заниматься совхозами; они сегодня занимаются, потому что надо это, а завтра будете Вы заниматься этим делом» [1, л. 143, 194, 197].

И все же Галицкий олицетворял мощную власть, сохранявшую после создания гражданских управлений сильное влияние на общественную жизнь и экономику, поэтому просьбы содействовать нормализации отношений между военными и гражданскими были обращены именно к нему. Сложная управленческая ситуация была представлена на совещании и начальником областного управления по гражданским делам В. А. Борисовым, и самим командующим армией по причине его отсутствия на службе из-за болезни в момент формирования гражданских управлений [1, л. 193, 206]. Эта же мысль выделена и в докладе комиссии ЦК ВКП(б) [2, л. 4]. Следовательно, Галицкий был выведен из-под огня гневных претензий. Впрочем, никто из докладчиков, исключая начальника Кёнигсбергского городского управления по гражданским делам Колосова, упрекнуть в чем-либо лично генерал-полковника не решился. В силу этого Галицкий заявил: «Мне стыдно даже слушать, что наши заслуженные военные товарищи не нашли с Вами партийных, деловых взаимоотношений. Коль не нашли, значит, сверху вынуждены будем внести коррективы» [1, л. 203]. Похоже, что стрелки переводили на подчиненных.

Конечно, Галицкому было непросто выслушивать упреки в адрес военных структур. Хотя он и объявил претензии к армии «чепуховыми вопросами» «паршивеньких» стульев и сломанных столов, но признал, что «идет большая война между некоторыми гражданскими и военными начальниками, но... не по принципиальным вопросам» [1, л. 193]. С ним согласился начальник областного управления МВД Трофимов, сказавший, что в «остро стоящем» вопросе взаимоотношений с военным командованием «принципиальных расхождений, принципиальных разногласий у нас нет и нет для них оснований. Вся беда в том,

что мы с вами на первых порах занялись некоторыми мелочами. Конечно, столы, стулья, вообще быт наших работников имеет существенное значение...», но армия не сможет удовлетворить все потребности в мебели [1, л. 185–186].

Борисов дипломатично не акцентировал внимание на каких-то конфликтных ситуациях, констатируя, что всего лишь «мы до сегодняшнего дня не достигли необходимого уровня взаимопонимания между воинскими и гражданскими организациями» [1, л. 206]. Более того, Борисов самокритично связал возникшие противоречия с тем, что в области затянули с формированием новых органов власти [1, л. 207]. Управленческая деятельность в гражданских учреждениях была негативно охарактеризована Трофимовым. Опираясь на проверку Инстербургского управления, он утверждал, что дисциплина сотрудниками не соблюдалась, «люди эти не организованы, эти люди распущены, болтаются в аппарате и ничего не делают». А в Тильзите военнослужащие, работавшие в одном здании с гражданским управлением, не знали, где оно находится. Следовательно, пришел к выводу Трофимов, гражданское управление не проявило себя как государственная власть [1, л. 184–185].

Борисов подчеркивал, что некоторые гражданские и особенно военные начальники не осознают сути произошедших в 1946 г. изменений в руководстве областью. По его мнению, иногда данные перемены сводились к простой замене военных гражданскими сотрудниками в ранее действовавших управлениях при военных структурах: «...мол, существовали здесь гражданские управления при военном командовании... эти гражданские управления сменились людьми без воинской формы, т.е. пришли гражданские люди, и на этом все дело ограничилось» [1, л. 204]. Другими словами, сложилось мнение, что при смене должностных лиц гражданские управления останутся в подчинении армии. Может быть, к этому приводила похожесть названий властных структур. Подтверждением является недовольство ряда гражданских работников наименованием новых органов власти. Борисов отмечал:

Некоторые у нас до сих пор продолжают болеть манией величия: «Почему нас не называют обкомом, почему меня не называют секретарем горкома, райкома, председателем райисполкома и т.д.». Я считаю, что мы с Вами — люди грамотные и должны понимать, что здесь дело не в названии, что название это, очевидно, происходит из каких-то целесообразностей, не только внутренних, а и связанных с международными вопросами [1, л. 205].

Начальника областного управления дополнил генерал Галицкий: «Этот вопрос решался с прошлого года. Я был два раза на докладе у тов. Сталина. Были разные варианты, а потом тов. Сталин сказал: "Так называть"» [1, л. 205]. По-видимому, после данного сообщения все сомнения в правильности наименования гражданских органов управления исчезли.

Борисов заявлял:

Временные гражданские управления, которые существовали при 11-й армии... были созданы по необходимости военным командованием для того, чтобы как-нибудь заняться вопросом руководства населением, которое имеется в области, и как-нибудь обеспечить его существование [1, л. 204–205].

Начальник областного управления, во-первых, отметил, что военные структуры были вынуждены заняться несвойственной функцией по организации жизни гражданского населения. Во-вторых, он невысоко оценил деятельность военных («как-нибудь заняться» и «как-нибудь обеспечить»). Новым же гражданским управлениям предписывалось гарантировать советское устройство Кёнигсбергской области. Следовательно, Борисов выводил их задачи на государственный уровень. Он это особо выделял, утверждая, что Галицкий «поможет... привести некоторых руководителей воинских организаций в районах в божеский вид, заставить признать советскую власть» [1, л. 207]. Борисов пытался показать, что разногласия между военными и гражданскими могут иметь политические последствия. Видимо, в этом он усматривал эффективное средство давления на воинское начальство. Политическим подтекстом обладало и высказывание начальника Кёнигсбергского городского управления Колосова:

Я за то, чтобы у нас была партийная деловитость, не разделяющая на военные и гражданские организации. Партия у нас единая, волю выполняем мы единую, а такие взаимоотношения усложняют решения любых даже мелочных вопросов... Почему мы в течение года-двух восстановления порядка не можем установить таких порядков, какие существуют у нас на родине[?] [1, л. 180–181].

Фактически Колосов намекал на строго централизованную власть в советском обществе, в котором принципиальных расхождений между разными властями быть не должно и военные власти подчиняются партийному управлению.

Однако начальник областного управления не делал решительных шагов, хотя в докладе и призывал к ним: «Нам нужно не стесняться... в некоторых случаях идти напролом, если тот или иной военный начальник сопротивляется» [1, л. 207], и не шел на обострение конфликта, так как полагал, что «сейчас мы без помощи армии не обойдемся». Более того, Борисов провозгласил, что с генералом Галицким «общий язык мы нашли» и «нужно крепче связаться с воинскими организациями» [1, л. 214]. Его мнение разделяли и некоторые представители районных управлений по гражданским делам. Весьма часто на совещании говорилось, что «нам должны помочь воинские части», а однажды прозвучало такое предложение: «Надо устранить плохие взаимоотношения с воинскими частями; и только с их помощью мы можем сохранить район» [1, л. 163]. Галицкий призывал гражданские управления наладить отношения с военными, создав «себе актив из воинской части, начальника того или иного совхоза, предприятия. Вы на них должны опираться, они должны быть Вашими советчиками, ибо многие из них здесь уже старожилы, все знают» [1, л. 194].

Высокие воинские и милицейские начальники области соглашались с необходимостью поднять статус гражданских органов. Начальник управления МВД Трофимов и командующий 11-й армией Галицкий рассуждали о том, что надо заработать авторитет для гражданских органов власти, особо отмечали то, что они представляют советскую власть

[1, л. 186–187]. На основе этих мнений не следует делать вывод о том, что районные управления не имели никакого влияния. Примечателен диалог между Борисовым и одним из начальников районного управления: «Борисов, вопрос: "Чувствуется ли власть Советов? ". Ответ: "Чувствуется. Руководство идет за помощью, приходит и... народ"» [1, л. 145]. С учетом объективных ответов на вопросы о недостатках в работе данное мнение не было попыткой идеализировать ситуацию и отражало реальное положение дел. Другой местный руководитель отметил, что «народ желает советской власти... Народ идет за помощью» [1, л. 147]. Таким образом, проявилось стремление не обострять конфликт, была найдена почва для политического компромисса; с течением времени власти заняли ниши, отведенные им в советский государственный системе.

91

В центре внимания участников кёнигсбергского совещания находились и другие вопросы. Многие говорили о слабом кадровом составе управлений и организаций (характерное мнение — «с кадрами плохо, плохие у нас кадры», «некоторые министерства, к сожалению, посылая сюда своих товарищей с большими мандатами и полномочиями, не всегда серьезно относились к этим людям, и поэтому не случайно в рыбной промышленности, например, мы имеем уже трех сменившихся начальников»), о трудностях в организации медицинского обслуживания (в Лабиауском — Полесском — районе для приема пациентов «пришлось одолжить один халат», в Пилькалленском районе «нет для гражданского населения врачей», но в Тапияуском районе уже имелось «готовое помещение для амбулатории»), об отсутствии нормально работающей почтовой, телефонной и телеграфной связи (в Пилькалленском районе «связь плохая — почта отсутствует, и мы живем, как в темнице»), трудности в организации народного образования (занятие военными школьных зданий; отсутствие денег — в Лабиауском районе «даже азбуки не за что купить»; в Кёнигсберге всего три школы и шесть учителей) [1, л. 142, 146–147, 150–152, 155, 161, 182, 190].

О культуре на совещании не упоминали. Только начальник Рагнитского (Советского) районного управления П.И. Афанасьев сказал: «У нас имеется также клуб на 450 мест, нет кино, нет радио, нет читальни, нет киноаппаратуры... Мы ведь люди и требуем хоть какого-нибудь духовного удовлетворения» [1, л. 155]. Однако никто не поддержал Афанасьева. Вряд ли в остальных районах всё было в порядке, но в той сложной ситуации развитие культуры в районах оказалось не в числе наиболее важных задач.

Докладчиков на совещании весьма беспокоило то, что «органов власти такого порядка, как милиция, органы суда, органы прокуратуры мы... еще не имеем» и в области растет преступность. Кроме того, при отсутствии прокуратуры районные и городские власти не могли призвать к порядку или наказать руководителей предприятий, занимавшихся самоуправством. Противостоять расхищению жилого фонда тоже не получалось, так как милиции в районах не было, а военные комендатуры прекратили выполнять функции охраны правопорядка, что подтвердила и комиссия ЦК ВКП(б) [1, л. 147–148, 151, 154, 163, 206; 2, л. 3].

Особо подчеркивались недостатки в работе торговых организаций. Афанасьев возмущено заявил: «Торговля. Даже не знаю, что и сказать. Дрянь». Не менее эмоциональным было выступление начальника Лабиауского районного управления В.М. Воробьева: «Можно открыть столовую — нет продуктов; люди просиживают в облторготделе неделями для того, чтобы обеспечить район питанием. Безобразия». При таком способе получения продуктов рассуждение о нескольких неделях, вероятнее всего, не преувеличение. Это подтверждает начальник Кройцбургского (Багратионовского) районного управления С.П. Стрекаловский, который описал хронологию поставок продовольственных товаров в район: «Начали работать 1 [июня], карточки получили 9 [июня], привезли продукты, муку привезли 15 [июня]. Две недели без хлеба». Этому рассказу предшествовал риторический вопрос: «Резервов нет, базара нет, чем питаться?». И всё это происходило в условиях карточной системы, при жестком централизованном распределении продуктов.

В Тапиауском районе проявилась совсем иная проблема, связанная с позицией областного руководства торговлей. Здесь подготовили четыре магазина, но директор универсального торгового центра запретил их открывать до 10 июля. Причины своего решения он не объяснил, и это породило возмущенную реакцию начальника управления. В районах законное недовольство вызывали отсутствие торговых отделов, постоянные перебои в завозе продуктов питания и промышленных товаров. Многие проблемы в снабжении жителей предопределялись тем, что районы и города не имели автотранспорта и горючего, а лошадей было очень мало. В результате население искало выход из подобной ситуации в спекуляции, развитии частной торговли [1, л. 145—146, 148, 150, 161], а это в советском государстве не соответствовало коммунистической идеологии, преследовалось.

При преобладании негативных фактов все же случались и примеры положительного решения отдельных вопросов, реализации ряда поставленных задач, в частности в тех же критиковавшихся связи и торговле: была налажена, пусть и не совсем надежная, телефонная связь нескольких районов с Кёнигсбергом, в крупных городах установлены телефонные коммутаторы (правда, на 5—10 абонентов), в отдаленные районы организована доставка почты три раза в неделю, создана система отделов рабочего снабжения при промышленных предприятиях, открыты торги в Кёнигсберге, Тильзите и один магазин в Инстербурге [1, л. 156—159, 164—171].

Еще один вопрос, являвшийся предметом особого волнения гражданских органов управления, — это немецкое население и отношение к нему. Начальник областного управления Борисов прямо заявил, что «немецкое население для нас — большая проблема» [1, л. 211]. Прежде всего массу нареканий, в том числе со стороны начальника управления МВД Трофимова, вызвали просчеты в организованном военными учете населения [3, с. 44—45]. Генерал Галицкий упрекнул некоторые районные гражданские управления за отсутствие собственного учета немецкого населения, так как «ясно, что, не имея учета, немцы болтаются» [1, л. 145]. В то же время в Хайлигенбайльском (Ладушкинском) районе постарались наладить хотя бы приблизительный учет [1, л. 173].

Также на совещании отмечалось, что многие немцы занимаются спекуляцией, поэтому Борисов посчитал, что «нужно заставить их работать даже больше, чем своих советских граждан» [1, л. 178, 212]. Одновременно сообщалось, что немцы привлекались к работам по реконструкции водопровода, заготовке сена, сбору черепицы, дров. Однако занято было далеко не все трудоспособное немецкое население. В Кёнигсберге для эффективного использования немцев на восстановлении города гражданское управление прекратило «ту чехарду, образно говоря, с переселением и выселением немцев, которая была раньше» [1, л. 178]. В противовес этому мнению генерал Галицкий полагал, что немецкой рабочей силой нужно маневрировать и при необходимости следует перевозить немцев из района в район [1, л. 199].

Не все формы занятости немцев получили поддержку у участников совещания. Гражданские начальники, особенно отвечавшие за политическую работу, были недовольны тем, что даже рядовые советские граждане нанимали немцев в домработницы [1, л. 154]. Иногда звучали оригинальные предложения по использованию немцев в советских интересах. Начальник Кройцбургского районного управления Стрекаловский нашел способ сохранения неразрушенных домов для колхозников: «Думаю переселить туда немецкие семьи и сказать им, что Вы охраняете дома; дать им хлеб, платить им; и они помогут нам сохранить жилой фонд. А потом, когда колхозники приедут, их [немцев] выселить» [1, л. 145–146, 149].

Вопрос о снабжении немцев продуктами основательно не затрагивался, только Стрекаловский предложил немцам, косившим сено для будущих колхозов, увеличить дневную норму хлеба с 400 до 600 г. Начальник областного управления и командующий 11-й армией его поддержали, но о других категориях немецкого населения речь не шла. Галицкий даже особо подчеркнул: «Дать не немцу, а косяку» [1, л. 150–151].

На совещании выяснилось, что некоторые районные начальники были бы рады закрыть антифашистские клубы, так как не знали немецкого языка, а переводчиков не было, поэтому местные руководители не могли ни контролировать содержание деятельности, ни направлять работу клубов. Генерал Галицкий на такое предложение ответил жестко: «Закрывать нельзя» [1, л. 154; 3, с. 50]. Антифашистские клубы, созданные армией для немцев и из немцев, начальник областного управления по гражданским делам признал правильной формой работы с немцами с целью разъяснять им советские законы, политику большевистской партии. По его мнению, гражданским органам управления предписывалось поддержать их, чтобы не допустить превращения клубов в фашистские организации [1, л. 212].

Борисов признал, что многие проблемы немецкого населения не решены. В частности, так и не была организована учеба немецких детей, не построены дома инвалидов, большинство немцев, по словам Галицкого, проживало в подвалах [1, л. 193, 212]. В областном центре имелись больницы, хотя они не удовлетворяли потребности людей в медицинском обслуживании, а по политическим и экономическим сообра-

жениям вызывали крайнее недоверие советских гражданских властей. Начальник Кёнигсбергского городского управления Колосов заявил, что «в немецких больницах скрывается разная дрянь под видом больных и не исключена возможность, что там скрываются отъявленные фашистские бандиты». Кроме того, немецкие врачи подозревались в массовой выдаче справок о болезнях, поэтому на предприятиях увеличилось число невыходов немцев на работу [1, л. 181–182].

Вопрос о судьбе немецкого населения не затрагивался на совещании, хотя, анализируя некоторые высказывания, можно понять, что местные гражданские руководители не видели в восточнопрусских немцах будущих жителей советской области. Думается, так следует толковать мнение начальника Кройцбургского районного управления о том, что «мы приехали сюда восстанавливать область, а не переделывать немцев» [1, л. 150].

Наконец, была еще одна животрепещущая для советской системы тема. Начальник областного управления по гражданским делам в докладе сообщил о крупных недостатках и проблемах в организации партийно-политической деятельности. Он пришел к выводу, что политотдел управления при наличии нескольких тысяч коммунистов и комсомольцев недостаточно развернул необходимую работу, а парторганизации действовали плохо по всей области и прежде всего на промышленных предприятиях [1, л. 213]. Не лучше обстояли дела и в районах. К примеру, в Тапиауском и Рагнитском районах работы с коммунистами и комсомольцами, учебы партийного актива власти не проводили, хотя в Лабиауском районе за месяц успели прочитать две лекции для коммунистов [1, л. 145–146, 154]. В стране, в которой реальная власть принадлежала комитетам коммунистической партии, эти факты могли иметь негативные последствия для областного руководства. Впрочем, для гражданских управлений, являвшихся ступенью на пути к созданию конституционных советских органов власти, организация партийной работы не была первостепенной функцией, а обкома и райкомов, горкомов партии в регионе еще не сформировали. Ряд проблем в крупных производственных парторганизациях начальник областного гражданского управления списал на их руководителей – партторгов ЦК ВКП(б). По его мнению, некоторые из них «разложились». Он, например, рассказал о том, что один из партторгов пришел к Борису и предложил поехать в Германию, чтобы на имеющиеся немецкие марки «кое-чего, барахлишка купили». По настоянию областных властей этого партторга освободили от должности [1, л. 214].

В целом районные и городские гражданские начальники, занимавшие свои должности чуть более месяца, в докладах сосредоточились на обустройстве органов управления, бытовых, культурных, продовольственных и иных проблемах своих сотрудников и советского гражданского населения, на стоявших перед ними хозяйственных задачах, в том числе приеме переселенцев, то есть тех сугубо конкретных вопросах, за решение которых с них и был спрос. Конечно, о своих ошибках и прочетах никто и словом не обмолвился. Да и нецелесообразно еще было требовать с руководителей этого уровня масштабных достижений, но на совещании со стороны областного начальства и военного командо-

вания уже говорилось об упадничестве и страхе отдельных местных руководителей перед имевшимися трудностями. Также отмечалось, что начальники гражданских управлений «как здесь некоторые ни плакались, ни старались нарисовать тяжелую картину, а все-таки ресурсы в... области очень большие; они разбросаны, не учтены» [1, л. 190, 200, 203]. Таким образом, районным и городским гражданским руководителям указывалось, что нет смысла преувеличивать затруднения, они не оправдают отсутствие положительных результатов работы. Одновременно утверждалось: «Трудностей уйма, мы их знаем, и представители ЦК партии, которые здесь находятся, их изучили, но все эти трудности временного характера». Главное, чтобы местные начальники не растерялись перед ними [1, л. 214].

Выступившие на совещании главы областных отделов связи и торговли старались показать, что, несмотря на предъявляемые им многочисленные претензии, кое-что уже сделано, а существующие недостатки будут преодолены. Борисов сконцентрировался на текущих проблемах: учете материальных ценностей, подготовке к приему колхозников, проведении землеустройства, неэффективной работе подразделений областного управления и т. п.

Только генерал Галицкий, имея опыт послевоенного управления территорией области и реально представляя ее проблемы, стратегически рассуждал о необходимости разработать генеральные планы развития районов и Кёнигсберга, определить перспективы возрождения их экономики. Галицкий размышлял, например, о Гумбинненском (Гусевском) районе, будет ли он промышленным или сельскохозяйственным. Командующий армией поставил вопрос о том, что в области следует стимулировать промышленность строительных материалов, рыбную отрасль, сельское хозяйство (выращивание картофеля, животноводство) [1, л. 168, 191–192, 196, 198]. Отсюда был один шаг до вопроса о перспективных отраслях областной экономики, но в 1946 г. комиссия ЦК ВКП(б), характеризуя хозяйственную жизнь региона, до такого уровня осмысления проблем Кёнигсбергской области не поднялась. Впрочем, данная задача перед ней и не ставилась. Только в 1947 г. комиссия А. Н. Косыгина определила эти приоритеты.

Таким образом, стенограмма первого совещания в областном управлении по гражданским делам – это ценный источник по истории становления Кёнигсбергской / Калининградской области. Анализ прозвучавших на совещании докладов выявляет наиболее важные проблемы в развитии региона в 1946 г.

Список источников и литературы

1. *Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Центральный Комитет КПСС. Оп. 122. Оргинструкторский отдел ЦК ВКП(б). Управление по проверке партийных органов ЦК ВКП(б). Д. 143.*
2. *РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 142.*
3. *Манкевич Д. В. «Немецкий контингент» Кёнигсбергской области в 1945 – первой половине 1946 года: штрихи к портрету // Балтийские исследования.*

Восточная Пруссия и Калининградская область в XX веке : сб. науч. тр. Калининград, 2009. Вып. 5.

4. *Костяшов Ю.В.* Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. Калининград, 2009.

5. *Фёдорова О.Г., Кретицин Г.В.* О послевоенном восстановлении Калининградской области: к вопросу о конфликте властей // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 12.

6. *Фарутин И.А.* Из документов и исследований истории области. Как решалась жилищная проблема в 1945–1947 гг. // Калининградские архивы: Материалы и исследования : науч. сб. Калининград, 2000. Вып. 2.

7. *Ефремов Л.А.* Деятельность управления по гражданским делам Приморского района (по материалам ГАКО) // Калининградские архивы: Материалы и исследования : науч. сб. Калининград, 2004. Вып. 6.

Об авторе

Виталий Николаевич Маслов — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: w_maslow@mail.ru

About the author

Dr Vitaly Maslov, Ass. Prof., I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: w_maslow@mail.ru